

А.И. Савин,

канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института истории

Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ОТ ПОЛИТИКИ

«РАЗДЕЛЯЙ И ВЛАСТВУЙ» К ПОЛИТИКЕ

«ОБЪЕДИНЯЙ И ВЛАСТВУЙ»

После того как в 1922 г., по образному выражению Л.Д. Троцкого, «Октябрьская Революция докатилась до церкви», в церковно-государственной политике большевиков в течение 20 лет безусловно доминировала линия, направленная на разложение конфессий изнутри и провокацию конфликтов между различными религиозными течениями, завершавшихся, как правило, разделением верующих на несколько противоборствующих лагерей. Важными рычагами осуществления данной политики являлись выборочные административные и судебные репрессии, мелочная регламентация и постоянный контроль за общинами и священнослужителями на фоне хорошо поставленного органами ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД агентурного осведомления.

Политика раскола была признана большевистским руководством универсальной и активно применялась в отношении подавляющего большинства конфессий. В результате судьбу Русской православной церкви, расколотой на «тихоновцев» и «обновленцев», разделили лютеране и буддисты. В лютеранстве роль обновленцев сыграла так называемая живая церковь (Свободная евангелическо-лютеранская и реформатская церковь конгрегационального положения). У буддистов во главе сильного обновленческого движения стал просветитель и ученый Авган Доржиев. Попытки раскола предпринимались в отношении мусульман. Деятельность, направленная на разложение евангельских церквей (баптистов, евангельских христиан, адвентистов седьмого дня, меннонитов, молокан) на ряд враждующих течений и групп по своей интенсивности уступала только борьбе с ортодоксальной церковью. Главные коллизии «раскольнической» деятель-

ности государства в отношении евангельских церквей в 1920-е гг. развернулись вокруг вопроса о «добровольном признании» религиозными пацифистами военной службы с оружием в руках.

Как минимум дважды – в 1929–1930 и в 1937–1938 гг. – сталинское руководство предпринимало попытки отбросить политику «разделяй и властвуй» и «окончательно решить» в СССР религиозный вопрос. В ходе сплошной коллективизации религиозные организации были безоговорочно зачислены в разряд идеологических и политических противников советского строя, а лозунг о несовместимости колхозов и церквей приобрел особую остроту. В этих условиях сложные чекистские манипуляции в отношении верующих постепенно стали казаться излишней фанатерией. Их место должны были занять четкие и недвусмысленные административно-запретительные и репрессивные методы, в т. ч. физическое уничтожение священнослужителей всех конфессий. Массовое закрытие православных церквей, мечетей, дацанов, костелов, синагог и молитвенных домов сопровождалось снятием колоколов, поломкой и расхищением церковного имущества, расстрелом икон и т. п. Культовые здания, переданные для использования под «культурно-просветительные цели», как правило, содержались в антисанитарном и бесхозном состоянии. В свою очередь, органы ОГПУ СССР, согласно приказу от 2 февраля 1930 г. № 44/21 «О ликвидации кулачества как класса», приступили к арестам священнослужителей и «кулаков» – «активных членов церковных советов, всякого рода религиозных, сектантских общин и групп, активно проявляющих себя». Всего за 1930 г., по данным ОГПУ СССР, в стране было репрессировано 13 354 священнослужителя всех конфессий¹.

Однако «кавалерийская атака» на религиозные организации потерпела частичную неудачу из-за резко негативной реакции населения, выразившейся в т. ч. в сопротивлении закрытию церквей, массовых жалобах и антиколхозных выступлениях. Временное отступление власти на «фронте коллективизации», последовавшее вслед за статьей И.В. Сталина «Головокружение от успехов», привело также к осуждению практики «администрирования» в деле борьбы с религией. Руководство ОГПУ СССР оперативно отреагировало на изменение политической линии. 22 марта 1930 г. было подписано циркулярное письмо № 37 «О состоянии и перспективах церковного движения и очередных задачах органов ОГПУ», в котором чекист-

¹ См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М.: Кучково поле, 2006. С. 291.

ским аппаратам на местах давались указания о том, как действовать в новых условиях. Подтвердив необходимость ликвидации «центров церковной контрреволюции» в интересах «социалистического переустройства деревни», циркуляр тем не менее признавал неудачу попытки ликвидировать церковь «административно-оперативным путем» и требовал прекратить практику закрытия церквей в административном порядке.

Показательно, что в циркуляре подчеркивалось различие «церковной политики» между районами сплошной коллективизации и остальными. В последних приоритет по-прежнему отводился специфическим чекистским приемам, нацеленным на создание и поддержку конфликтных отношений внутри религиозных организаций. «Мы не должны ни в коем случае, – говорилось в циркуляре, – допускать образования единого церковного фронта, могущего сопровождаться объединением всех ныне существующих церковных течений... Надо поставить работу так, чтобы обеспечить спец[иальной] агентурой все группировки реакционных церковников, все подпольные церкви и т. п.»².

В результате основным методом борьбы с религией в первой половине 1930-х гг. стало «выдавливание» общин из церквей и молитвенных домов. Для закрытия культовых зданий использовались, как правило, следующие схемы: либо здание целенаправленно облагалось непомерными налогами, которые верующие физически не могли выплачивать (налог со строений, земельная рента, страховые премии), либо местный Совет устанавливал, что культовое здание не содержится надлежащим образом, не проведен требуемый ремонт, не обеспечена противопожарная безопасность, «растранижено» церковное имущество, переданное в аренду верующими, и т. п., что влекло за собой отказ в перезаключении договора на пользование культовым зданием. В свою очередь, отсутствие церкви автоматически означало отказ в перерегистрации общины. Параллельно шел процесс сокращения численности священнослужителей как в результате выборочных репрессий, так и за счет завышенного налогообложения, вынуждавшего священников к отказу от сана.

Одним из наиболее распространенных и излюбленных приемов властей, позволявших решить «религиозный» вопрос с наименьшими издержками, стала фактическая ликвидация культовых зданий

² Циркуляр опубликован. См.: Савин А.И. Сталинский зигзаг в религиозной политике в свете циркулярного письма № 37 ОГПУ при СНК СССР (март 1930 года) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 791–805.

путем занятия под «временное» хранение зерна, при этом хлеб из храмов в течение длительного времени не убирался намеренно. По сведениям Комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР, на 1 января 1936 г. в СССР оставались формально открытыми 30 543 молитвенных здания, из них треть зданий (9878) фактически не функционировала, так как в большинстве случаев они использовались как складские помещения, в первую очередь – для «временного» хранения зерна³.

Следующая попытка «окончательно решить» религиозный вопрос в СССР была предпринята в период массовых операций НКВД 1937–1938 гг. Об этом в т. ч. свидетельствует «Спецсообщение о церковниках и сектантах», которое в конце ноября 1937 г. было направлено И.В. Сталину наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым⁴. В документе сообщалось, что за четыре месяца органы НКВД арестовали 31 359 «церковников и сектантов», в т. ч. 166 митрополитов и епископов, 9116 священников, 2173 монаха, а также 19 904 чел., которых чекисты отнесли к «церковно-сектантскому кулацкому активу». Из них к расстрелу было осуждено 13 671 чел., в т. ч. 81 епископ, 4629 «попов», 934 монаха и 7004 чел. «церковно-сектантского кулацкого актива». Таким образом, количество казненных «религиозников» составило 43,6 %. По заверению Ежова, удар наносился «по организующему и руководящему активу церковников и сектантов», что привело к практически полной ликвидации епископата православной церкви, в то время как сокращение примерно в два раза «количества попов и проповедников» – «к дальнейшему разложению церкви и сектантов».

По неполным данным, имевшимся у Ежова, на оперативном учете НКВД все еще находилось 9570 «попов» и свыше 2000 сектантских проповедников, которых предстояло репрессировать в ближайшем будущем. Приведя многочисленные факты попыток создания «церковно-сектантским религиозным активом всех религиозных течений» единого антисоветского фронта, Ежов в завершении документа сообщал вождю о том, что управлениям НКВД 17 областей, проявившим недостаточную активность, даны специальные указания «о немедленной ликвидации всех церковно-сектантских контрреволюционных формирований»⁵.

³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2021. Л. 7–10.

⁴ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938. М.: РОССПЭН, 2009. С. 407–414.

⁵ Там же. С. 414.

Из статистического отчета о работе органов НКВД СССР за 1937–1938 гг. теперь известны суммарные официальные цифры «церковников и сектантов», репрессированных в ходе массовых операций НКВД: 37 331 чел. за 1937 г. (из них 33 382 – «служители религиозных культов») и 13 438 – за 1938 г., всего – 50 769 чел.⁶ Это значит, что к концу массовой операции органы НКВД репрессировали всех без исключения 11 570 «церковников и сектантов», по данным Ежова еще находившихся на конец ноября 1937 г. на свободе, а также чекистами было дополнительно «выявлено» и репрессировано еще почти 8000 «религиозников». Об утрате интереса сталинского руководства к политике раскола свидетельствует также трагическая судьба «обновленцев», которых репрессировали с такой же методичностью, что и «тихоновцев».

Большой террор, несмотря на масштаб и brutality репрессий, тем не менее не смог окончательно разрешить проблему очистки советского общества от «церковников». Количество легальных церквей было сведено к абсолютному минимуму, зато широкое распространение получили так называемые домовые церкви, которые функционировали нелегально, в частных домах и квартирах. В результате репрессии против верующих были продолжены: по данным ведомственной статистики НКВД, из общего количества 44 731 чел., арестованных чекистами в СССР в 1939 г., 987 чел. по «окраскам учета» проходили как «церковники и сектанты»⁷. За 1940 – начало 1941 г. органы НКВД СССР арестовали уже 1988 «церковников и сектантов», являвшихся «членами антисоветских групп и организаций»⁸.

История не знает сослагательного наклонения. Можно только прогнозировать дальнейшую политику сталинского государства в отношении религиозных организаций, если бы не мировая война, поставившая в т. ч. на грань выживания советский политический режим. Смена парадигмы в церковно-государственной сфере и отказ от политики «разделяй и властвуй» в пользу кредо «объединяй и властвуй» произошли в годы Великой Отечественной войны. Если в 1920–1930-е гг. власть сама организовывала расколы внутри церк-

⁶ Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003. С. 172; Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 337.

⁷ Мозохин О.Б. Право на репрессии. С. 346.

⁸ История советских органов государственной безопасности: учебник / под ред. В.М. Чебрикова и др. М., 1977. С. 323.

вей всех деноминаций, активно поддерживала любые разногласия между верующими и делала все, чтобы воспрепятствовать объединению, то теперь все усилия соответствующих институтов государственного аппарата были направлены на объединение верующих в рамках крупных всесоюзных церковных организаций в условиях частичной легализации религиозной жизни.

Историки неоднократно обращались к этим событиям, предлагая разные объяснения сталинского конкордата с церковью. В настоящее время в историографии сложился определенный консенсус в отношении причин, которые легли в основание «нового курса» в церковно-государственных отношениях. Их характеристика приведена, например, в монографии И.А. Курляндского. На первом месте, считает Курляндский, находилось стремление использовать церковь во внутривластных и внешнеполитических акциях сталинского режима в условиях тяжелейшей войны, а также желание лишить религию и церковные организации ореола гонимых, теснее привязать к советскому государству и тем самым ослабить их популярность среди верующих⁹. Нельзя не согласиться с Курляндским также и в том, что с самого начала «сталинского ренессанса» «церковные структуры оказались в тисках своеобразного гетто, они были опутаны бюрократическими и административными ограничениями и запретами»¹⁰, и в этом смысле ни о каком резком разрыве преемственности в содержании советской политики в отношении религии и церкви говорить действительно не приходится.

И все же следует указать на еще один принципиальный момент, ставший краеугольным камнем в основе «сталинского конкордата»: к началу войны значительная часть оставшихся в живых высших иерархов РПЦ, а также руководителей протестантских церквей и других конфессий были либо негласными сотрудниками органов госбезопасности, либо открыто демонстрировали власти свою лояльность и готовность к сотрудничеству¹¹. Сталинское руководство могло наконец-то пожинать плоды многолетних репрессий и гонений на церковные организации. Теперь проводником государственной

⁹ Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.). М.: Кучково Поле, 2011. С. 576–578.

¹⁰ Там же. С. 587.

¹¹ См. подробнее: Савин А.И. Сотрудничество с тайной полицией как специфическая форма политической адаптации верующих в советском государстве (1920–1940-е годы) // Вестник Омского университета. Серия: «Исторические науки». 2014. № 3 (3). С. 37–47.

политики стало служить само руководство церковью, готовое платить высокую цену сотрудничества с властными органами за выживание и легальное существование церковных структур. Конформистская позиция руководства конфессий порождала у власти чувство уверенности в том, что подконтрольные религиозные организации больше не представляют угрозы и не являются серьезными конкурентами на идеологическом поле. Именно сотрудничество высшей церковной иерархии с «органами» со временем позволило религиозным организациям выглядеть в глазах коммунистического руководства «советской» церковью и легализовать свою деятельность в послевоенном советском государстве. С этого момента любой раскол в религиозных организациях, в отличие от довоенного времени, не только не поощрялся, но пресекался и строго преследовался как «антисоветский». В данном контексте радикальная антицерковная кампания, вызванная утопическими представлениями о темпах строительства коммунизма и развязанная Н.С. Хрущевым в начале 1960-х гг., была контрпродуктивна, создавала ненужные точки напряжения, превращала вполне лояльных «трудящихся» из числа верующих в отчаянных противников советского строя.

Фактический отказ от построения в обозримом будущем коммунистического общества и центристская позиция «коллективного руководства» Советского Союза во главе с Л.И. Брежневым сняли для большинства религиозных организаций, в первую очередь для Русской православной Церкви, остроту адаптации к советскому политическому режиму. Возвратившись к союзу с лояльными религиозными организациями, Брежнев выступил последовательным эпигоном Сталина¹². Главная новизна брежневской политики по отношению к церкви и верующим в СССР заключалась в том, что государство теперь признавало лояльные религиозные организации субъектами, имеющими полное право пользоваться всеми преимуществами и защитой, которые гарантировала и которую предоставляла «социалистическая законность».

Однако соблюдение «социалистической законности» во взаимоотношениях государства и религиозных организаций являлось лишь одной стороной медали. Борьба с религией и религиозными институтами оставалась неотъемлемой частью государственной политики:

¹² Деннингхаус В., Савин А.И. Религиозный ландшафт «развитого социализма» как пространство политической лояльности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 9 (63). Спецвыпуск: Индивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия.

в 1960–1980-х гг. в СССР по-прежнему велась массовая атеистическая пропаганда, действовали жесткие ограничения в области печати и распространения религиозной литературы, функционировала система контроля и ограничения деятельности религиозных организаций, практиковались различные формы дискриминации и преследования верующих. В этом отношении определяющей характеристикой религиозной политики брежневского государства являлась ее дуальность. Вплоть до конца СССР соотношение между либеральной и репрессивной составляющими государственной церковной политики зависело от лояльности того или иного вероисповедания, «градуса» конформизма его руководства.